

РЕЦЕНЗИИ

МАЛЕНЬКАЯ КНИГА О БОЛЬШОЙ ПРОБЛЕМЕ, ИЛИ МАКРОВЗГЛЯД НА ТО, ЧТО МЫ ЕДИМ

***Шагайда Н.И., Узун В.Я. Продовольственная безопасность
в России: мониторинг, тенденции и угрозы.
М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 110 с.***

В последнее время в государственном, медийном и научном дискурсах прочные позиции завоевало понятие «продовольственная безопасность» — термин, еще несколько лет назад способный смутить любого специалиста своим не вполне понятным содержанием и множеством возможных коннотаций. Сегодня ситуация радикально изменилась, чему немало способствовала российская риторика импортозамещения в русле протекционистской государственной политики продовольственного обеспечения (ее суть — наращивание собственного агропроизводства) и продовольственное эмбарго, введенное в ответ на западные санкции. Однако обретенная термином «продовольственная безопасность» «прописка» в государственной, научной и медийной риторике отнюдь не делает его прозрачным: государственная политика достаточно противоречива, одни решения здесь диктуются нестабильной внешнеполитической ситуацией, другие — требованиями внутреннего рынка и финансовыми возможностями федеральных властей; медийное освещение вопросов продовольственного обеспечения страны варьирует от безусловной поддержки государственных решений до резко критических оценок постсоветской экономической политики в целом и конкретных мер последних лет в частности.

Разнообразие трактовок продовольственной безопасности удивительно потому, что ее базовое определение было принято еще на Всемирном продовольственном саммите в 1996 г.: «Продовольственная безопасность существует тогда, когда все люди в любое время имеют физический и экономический доступ к достаточному количеству безопасной и питательной пищи, позволяющей удовлетворять их пищевые потребности и предпочтения для ведения активного и здорового образа жизни» [10. С. 6]. Причем это определение изначально предполагало национальные и исторические уточнения, поскольку в конкретный момент времени в определенном геополитическом и экономическом пространстве обеспечение продовольственной безопасности может требовать решения очень специфических

задач [8], как то: глобальное искоренение голода и недоедания [5], гарантии безопасности продуктов питания [6], устойчивое развитие сельских сообществ [7], снижение рисков агропромышленного производства, либерализация внешней торговли (обеспечение безбарьерной свободной торговли) или, наоборот, укрепление протекционистской политики, в рамках которой продовольственная безопасность на уровне интерпретаций и практической реализации превращается в продовольственную независимость, требующую не столько борьбы с голодом и недоеданием населения, сколько поддержки отечественных производителей продовольствия вопреки интересам международного рынка.

Другим близким продовольственной безопасности понятием является «продовольственный суверенитет», или «право людей, стран или союзов государств самостоятельно определять свою продовольственную и аграрную политику» [9. С. 122].

Данный термин более политизирован в том смысле, что предполагает контроль гражданского общества конкретной страны (или международных объединений гражданских активистов) за деятельностью глобальных продовольственных компаний и местных (на уровне страны) властей, предоставляющих им доступ на рынки продовольствия.

Понятие продовольственного суверенитета не вполне актуально для российских реалий, где «сложился особый его тип, потому что в стране не существует организованных субъектов, которые могли бы явно и четко сформулировать соответствующие дискурсы и скоординировать свои действия» [2. С. 2]. Российское население заменяет отсутствие коллективных действий «снизу» и солидаристской идеологии сетями взаимной поддержки в рамках неформальной [1] или моральной экономики [3], имеющей длительную историческую традицию [11], обеспечивая тем самым своим семьям (и стране) «тихий продовольственный суверенитет» [2].

В последнем случае от официальных государственных моделей продовольственной безопасности мы переходим на микроэкономический уровень.

Здесь кроется одна из основных проблем научного анализа продовольственной безопасности — как правило, ее базовые параметры задаются геополитическими и макроэкономическими соображениями и реалиями, тогда как, по сути, речь идет о рутинных практиках обеспечения домохозяйствами себя продуктами питания. Нередко второй аспект продовольственной безопасности упускается из рассмотрения как незначимый, и рассуждения исследователей выстраиваются по формуле «государство/крупные производители принимают такие-то решения, населению приходится соответствующим образом выстраивать свои продовольственные практики и привычки». Подобная логика имеет право на существование, хотя «прыжки» с макроуровня на микроуровень часто вызывают у читателей такого типа работ сомнения в том смысле, что в макрополитическом и макроэкономическом контексте вряд ли кто слишком компетентен, а вот приводимые примеры из повседневности могут диссонировать с личным жизненным опытом читателей, учитывая сильнейшую региональную социально-экономическую дифференциацию российского пространства. Возможно, оптимальным форматом научных работ по продовольственной безопасности является четкая фокусировка либо на микро-

уровне рутинных практик продовольственного обеспечения домохозяйств, либо на макроуровне объективного политического и социально-экономического контекста, в котором людям приходится выстраивать, поддерживать или трансформировать эти практики.

Небольшая по объему книга Н.И. Шагайды и В.Я. Узуна — прекрасный пример работы второго типа, выполняющей, по сути, разъяснительно-просветительскую функцию применительно к объективным макроэкономическим показателям продовольственной безопасности в Российской Федерации одновременно с диагностической и прогностической точек зрения. Поэтому книга содержательно лаконична (речь идет только о макрооптике, о возможностях обеспечения продовольственной безопасности «сверху»), уклон целенаправленно сделан в государственный дискурс, но не в апологетическом, а выдержанно-критическом ключе), тематически четко выстроена (акцент сделан на разработке методики экономического мониторинга состояния и угроз продовольственной безопасности, в том числе в сфере социальной стабильности), терминологически насыщена и предлагает статистически, а не идеологически фундированные оценки (что встречается не так часто в рассуждениях о проблемах продовольственной безопасности в нынешней ситуации затянувшихся западных санкций и ответного продовольственного эмбарго).

Книга начинается с двух определений продовольственной безопасности — приведенного выше базового международного, сформулированного на Всемирном продовольственном саммите в Риме в 1996 г., и заданного в Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента в 2010 г., и в общем созвучного международной трактовке в констатации основной цели — обеспечение населения безопасной сельскохозяйственной продукцией и иным продовольствием, но отличающегося от нее тем, что в России на первое место поставлены вопросы не обеспечения доступа (физического и экономического) населения к продовольствию, а производства необходимого объема продовольствия внутри страны. Этот вывод авторы делают, оценивая ранги перечисленных в Доктрине задач: обеспечение доступа к продовольствию и безопасности пищевых продуктов оказались в конце списка, в начале которого стоят критерии достижения продовольственной безопасности — «коэффициенты, по существу отражающие самообеспеченность продукцией собственного производства» (с. 6).

Впрочем, авторы не критикуют российские акценты в трактовке продовольственной безопасности, а подчеркивают необходимость ее мониторинга, в том числе для предотвращения негативных ситуаций в доступе к продовольствию (при общем отсутствии в стране проблемы голода в ряде регионов он ограничен по экономическим причинам). Задачи исследования, сформулированные во Введении, отражают последовательность шагов, необходимых для разработки и реализации мониторинга: выявление подходов к оценке продовольственной безопасности, оценка ее уровня и динамики, выявление угроз ей и способов их преодоления, разработка предложений по совершенствованию макроэкономических мер обеспечения продовольственной безопасности.

Учитывая небольшой объем книги, вряд ли имеет смысл говорить применительно к ней о главах — работа состоит из разделов, очень разных по объему, и следует не формальным критериям «визуальной красоты» текста, а задаче предоставления читателю всей необходимой информации.

В первом разделе охарактеризованы международные подходы к оценке продовольственной безопасности, его необходимость объясняется тем, что Россия является членом ряда международных и межправительственных организаций, занимающихся данной проблематикой в прикладном аспекте. В частности, авторы суммируют основные положения Концепции продовольственной безопасности ФАО (Организации по продовольственной безопасности и сельскому хозяйству при ООН), не всем из которых Россия следует: например, что продовольственная безопасность не означает самообеспечения, — российская Доктрина нацелена на достижение пороговых значений самообеспечения зерном — не менее 95%, сахаром — не менее 80%, растительным маслом — не менее 80%, мясом и мясными продуктами — не менее 85%, молоком и молочными продуктами — не менее 90% и т.д., или что производить продукты для своих нужд страна должна только в том случае, если имеет для этого сравнительные преимущества (этого правила Россия также не хочет придерживаться).

Далее приведены критерии оценки состояния продовольственной безопасности, в табулированном виде представлены позиции России и близлежащих стран по этим критериям, однако авторы уточняют, что к методике расчетов у них есть масса вопросов.

Отмечая, что часть показателей ФАО учитывается в системе российского мониторинга, а часть нет (индекс голода, распространение ожирения и пр.), авторы считают полезным «увязать систему мониторинга в нашей стране с подходами ФАО не только по направлениям, но и по конкретным показателям», чтобы «в одинаковых терминах характеризовать состояние продовольственной безопасности в России и мире, контролировать адекватность международных оценок по России» (с. 11), что, безусловно, оправданно, но вызывает некоторые опасения относительно последствий гиперунификации.

Второй раздел книги содержит авторскую оценку состояния мониторинга продовольственной безопасности в России. Перечислив конкурсы (на создание программного обеспечения, совершенствование информационно-аналитического обеспечения агропромышленного комплекса и т.д.), объявленные в 2011—2013 гг. Минсельхозом для оценки степени достижения 14 показателей и 8 критериев продовольственной безопасности, обозначенных в Доктрине, авторы, во-первых, затрудняются с оценкой масштабов реализации этой задачи применительно ко всем типам показателей — целевых, мониторинговых и прогнозных. Во-вторых, они отмечают «не полную синхронизированность» показателей в принятом Правительством в 2013 г. Распоряжении о перечне показателей в сфере обеспечения продовольственной безопасности (в целом следует отметить, что для книги характерна мягкая критическая тональность).

В-третьих, в разделе перечислены причины, по которым сегодня оценка состояния продовольственной безопасности по принятым правительством показа-

телям затруднена: несоответствие системы статистического наблюдения модели мониторинга; неучет заданными рациональными нормами фактической ситуации, особенно по потреблению мяса; использование неработающих критериев типа обеспеченности торговыми площадями на 1000 человек, исправить которые нельзя, и не вполне адекватных международных показателей типа физической доступности продовольствия (не соответствуют российским реалиям в силу территориальных и поселенческих особенностей страны); отсутствие четко прописанной и обоснованной методики анализа показателей; некорректная региональная «оптика» в оценках продовольственной безопасности (в стране выстроено единое экономическое пространство и т.д.). Также авторы отмечают «не полную синхронизированность» российских показателей тем, что приняты в ФАО, что затрудняет проведение межстрановых сопоставлений.

Завершает второй раздел критическое замечание, в целом типичное для оценки многих правительственных инициатив и деятельности российского государственного аппарата: сделаны и даже профинансированы «по форме необходимые шаги для создания системы мониторинга продовольственной безопасности ...однако эти шаги по каким-то причинам не привели к созданию работающей системы мониторинга», о чем свидетельствуют и «официальные публикации федерального уровня ...которые включают, как правило, анализ ограниченного круга показателей», и самостоятельность отдельных регионов, которые готовят аналитические материалы по интересующему именно их ограниченному кругу показателей (с. 16—17).

Третий и самый объемный раздел книги посвящен оценке достижения целевых показателей продовольственной безопасности на основе пороговых критериев, установленных Доктриной и Распоряжением. Основную и традиционную для российской управленческой действительности проблему авторы обозначают сразу: заданные государством в качестве наиболее важных параметры на деле не являются основными характеристиками продовольственной безопасности, а методика их оценки нуждается в пояснениях и корректировке.

Во-первых, отслеживая динамику продовольственной независимости по основным видам продукции и степень достижения установленных Доктриной пороговых значений, авторы приходят к выводу, что, используя разные методики расчетов (собственную, учитывающую экспорт, и предложенную Минсельхозом), можно получить разные результаты. Проблема не в том, что в итоге мы имеем разные «цифры», а в том, что по ряду принципиальных позиций (скажем, картофелю), согласно авторским расчетам, страна давно себя обеспечивает (и не только себя, но и другие страны, например, зерном), тогда как Доктрина все еще ориентирована на повышение объемов производства этих позиций, потому что по иным методикам расчета страна самообеспечения не достигла. По ряду позиций принятая государством методика расчетов требует уточнений, потому что Доктрина оперирует группами продуктов, но «по отдельным молокопродуктам продовольственная независимость нарушена в значительно большей мере (сыр)», и «по отдельным видам мясной продукции продовольственная безопасность существенно различается» (с. 21).

Причем если в одних случаях Доктрина прописана чрезмерно абстрактно-общо, то в других, наоборот, слишком узко — «устанавливает пороговые уровни продовольственной независимости по отдельным продуктам, но не дает обобщенного показателя, характеризующего уровень продовольственной независимости России в целом, по всем видам продовольствия» (с. 23).

Авторы считают обобщенный показатель принципиально важным для макроэкономического мониторинга и предлагают собственную методику его исчисления и расчеты, согласно которым «общий уровень продовольственной независимости России за анализируемый период (1997—2013) изменялся в относительно узком диапазоне. Минимальный уровень продовольственной независимости был в 1999 г. (79%), максимальный — в 2012 г. (89%). В последние 15 лет уровень колеблется около 86—89%» (с. 23—24). В качестве существенного фактора, влияющего на этот уровень, назван рост экспорта продовольствия и сельскохозяйственной продукции, а не колебания курса национальной валюты, роль которых, по мнению авторов, исследователи либо переоценивают (считают основополагающим фактором, хотя это лишь дополнительный стимул), либо интерпретируют неверно (якобы ослабление национальной валюты всегда способствует росту внутреннего производства и сокращению импорта, что не соответствует действительности).

Во-вторых, авторы критически оценивают такой целевой индикатор продовольственной безопасности, как средний уровень достижения рациональных норм (рассчитаны Минздравом) потребления пищевых продуктов на душу населения, т.е. удовлетворение потребностей населения в основных видах продовольствия.

Социологи прекрасно знают проблему «средних», и в данном случае она состоит в том, что, согласно средним данным по потребительским балансам (статистике потребления), по шести основным группам продуктов питания россияне превысили рациональные (или рекомендуемые) нормы (например, по сахару, картофелю, хлебу, растительному маслу), а по другим четырем группам (по говядине, фруктам и ягодам, молоку и молокопродуктам) еще их не достигли. Разные методики расчетов и здесь дают различающиеся результаты, причем авторы не предлагают собственную методику, а показывают расхождение данных двух подходов Росстата — расчетов на основе баланса продовольственных ресурсов (по информации от сельхозпроизводителей, торговых предприятий, таможенных служб и пр.) и результатов выборочных обследований бюджетов домохозяйств: согласно последним реальное потребление россиянами второй из двух обозначенных выше групп продуктов на самом деле выше, а первой — наоборот, ниже (с. 28).

Признавая обоснованность методических объяснений данного расхождения Росстатом, авторы все же отмечают, что оно ставит под сомнение саму возможность объективной оценки соответствия рациона питания россиян неким рациональным нормам, а потому предлагают: (а) определить, какие данные Росстата нужно использовать для мониторинга продовольственной безопасности, а какие — нет; (б) более четко прописать рекомендуемые нормы потребления (сейчас в них предусмотрены группы продуктов, по которым не собираются статистические данные); (в) скорректировать методику расчета энергетической и питательной ценности рациона, согласовав подходы Роспотребнадзора и Росстата; (г) отказать-

ся от некритического следования и гиперболизации значения рациональных норм потребления, утвержденных Минздравом, признав их лишь в качестве рекомендаций, поскольку эти нормы не учитывают цены продуктов, доходы населения и вкусовые предпочтения потребителей; (д) учитывать в анализе потребления продуктов питания социально-экономическую дифференциацию (доходы), региональную (климатические условия) и поселенческую (доступ к продовольствию сельского и городского населения); (е) увеличить число коэффициентов (сегодня их 10), по которым оценивается удовлетворенность потребности субъектов Российской Федерации в основных продуктах питания, чтобы учесть различия внутри продуктовых групп, — авторы применяют собственную методику расчета по каждому региону общего коэффициента достижения рациональной нормы потребления (можно было бы упрекнуть авторов в слишком абстрактно-обобщенном подходе, но он обоснован задачей межрегиональных сравнений).

Авторы переходят от сугубо экономических категорий (низкий/высокий уровень потребления, структура расходов домохозяйств и пр.) к социологическим, традиционно рассматривая высокую долю расходов домохозяйств на питание и низкий уровень достижения рекомендованных норм питания как источники социальной нестабильности. Здесь авторы критикуют принятую сегодня систему мониторинга продовольственной безопасности уже не за слишком абстрактно-обобщенный характер, а, наоборот, за излишнюю детализацию параметров: «всю сумму доходов/зароботной платы или пенсий делят на цену отдельных продуктов, т.е. все переводят в килограмм чая байхового, потом вермишели, потом все в килограмм капусты и т.п. ...по 24 продуктам по разным видам доходов», и предлагают «перейти от отдельных продуктов к наборам продуктов — фактически сложившимся или по рекомендуемым нормам» (с. 42), что, безусловно, оправданно и целесообразно, судя по предложенной в книге методике расчета покупательной способности домохозяйств.

По итогам проделанной работы в четвертом разделе авторы перечисляют основные риски продовольственной безопасности России, в качестве которых выступают:

1) экономическая недоступность полноценного питания для больших групп людей, особенно когда они составляют значительную часть густонаселенного региона — подобная необеспеченность неизбежно порождает социальные конфликты (пусть тлеющего типа, но от того не менее опасные, чем открытые противостояния);

2) в институциональной аграрной структуре это чрезмерная концентрация производства, вследствие чего, с одной стороны, сельское население вынуждено сворачивать подсобные хозяйства и приобретать основную часть пропитания в магазинах; с другой стороны, увеличиваются риски продовольственной безопасности в случае банкротства местных агропромышленных монополистов;

3) дискриминация малых форм хозяйствования — монополизация производства крупными компаниями усиливает их лоббистские возможности для получения доступа к государственным программам поддержки, которой лишены мелкие хозяйства;

4) подконтрольность отечественного производства иностранным юридическим и физическим лицам вследствие того, что в Доктрине не расшифрован термин «отечественное производство» (приведены весьма удручающие, особенно в свете озвучиваемых государством приоритетов независимого экономического развития, показатели контроля зарубежными компаниями крупнейших российских сельскохозяйственных активов);

5) несовершенство земельной политики, обусловленное и незавершенностью постсоветской земельной реформы (где-то приватизация не была проведена, где-то сложилось искаженное распределение земель и объемов производства между основными группами сельхозпроизводителей, где-то земельный оборот криминализован), и неразграниченностью собственности на государственные земли (сохраняются ничейные территории), и формированием латифундий, и переходом крупных землевладений под контроль иностранных лиц, и отсутствием единой системы управления земельным фондом страны, функции которой расплывлены между разными министерствами и ведомствам, в результате чего «нарушена координация соблюдения общественных интересов в отношении сельскохозяйственных земель, действуют ведомственные интересы... вносится путаница на формирующийся земельный рынок... сохраняется высокий уровень транзакционных издержек на защиту прав собственности и сделки с землей» (с. 60) и т.д.

Последней группе рисков уделено особое внимание и по объективным причинам — земельный вопрос все еще остро стоит в России, особенно применительно к землям сельхозназначения, и по субъективным — Н.И. Шагайда является признанным экспертом в вопросах оборота сельскохозяйственных земель с точки зрения трансформации его институтов и практик, институциональных ловушек и транзакционных издержек [4].

В конце книги сформулированы выводы и рекомендации, которые неплохо «считываются» в предыдущих разделах, но, несомненно, требовали подобного структурированного изложения. Как и к любой другой работе, презентующей свои результаты в риторике долженствования — «необходимо создать методику мониторинга...», «целесообразно сократить число показателей мониторинга...», «целесообразно адаптировать российский перечень с показателями...», «целесообразно внести в систему мониторинга показатель общего уровня продовольственной независимости» и т.п. — к книге можно предъявить типичную претензию, что авторы говорят очевидные вещи без выхода на конкретные действия. Отчасти это так (в этом состоит специфика научных работ, в отличие от бойкой публицистики и нормативных документов), однако авторы по каждому пункту своих рекомендаций приводят грамотные обоснования и вносят конкретные предложения (например, формулу расчета показателя общего уровня продовольственной независимости страны), сохраняя научную выдержку даже там, где описание негативных тенденций могло породить алармистские восклицания, а позитивных — бравурно-идеологизированные восторги.

В целом, несмотря на небольшой объем, книга будет интересна широкому спектру читателей, в том числе социологам, по ряду причин.

Во-первых, даже самого неподготовленного читателя привлечет необычный макро взгляд — как государство пытается отслеживать и регулировать, что именно, какого качества и в каком количестве оказывается на нашей тарелке (и насколько наш рацион, судя по представленным в книге табулированным данным, можно назвать типичным для среднестатистического российского едока).

Во-вторых, обозначенные в книге применительно к макроэкономическому анализу продовольственной безопасности проблемы на самом деле имеют междисциплинарный характер и знакомы любому социологу: слишком абстрактно-отстраненные от повседневных реалий управленческий дискурс и предлагаемые «сверху» критерии оценки народного благополучия; рассогласованность разных подходов к моделированию и методическому обеспечению диагностики и прогнозирования социальных и экономических явлений (здесь, кстати, несколько смущает приверженность авторов понятиям «хуже—лучше», слишком сложно конотированным, а потому не всегда понятным читателю, скажем, когда речь идет о «худшей структуре питания» в селе — с точки зрения кого именно?); существующая система сбора статистической информации не позволяет своевременно и объективно оценивать многие важные процессы (например, гиперконцентрацию производства в форме агрохолдингов) и др.

В-третьих, несмотря на критику нынешней ситуации и пессимистические оценки состояния беднейших российских домохозяйств, авторы выдерживают достойную для подражания безоценочность, в том числе за счет абсолютно неидеологизированного повествования и включения в книгу массы диаграмм и таблиц, по которым читатель может сделать и собственные выводы.

Безусловно, критически настроенный читатель может предъявить к книге претензии концептуального свойства в связи с отсутствием в ней анализа разных трактовок продовольственной безопасности или микроаналитической перспективы, учитывающей обыденные практики населения в сфере продовольственного потребления и поведения, однако будет неправ — авторы четко и однозначно представляют свой труд как научный доклад по макроэкономическому измерению продовольственной безопасности и прописывают все необходимые его компоненты с эмпирическими иллюстрациями.

И.В. Троцук

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Барсукова С. Сетевая взаимопомощь российских домохозяйств: теория и практика экономики дара // Мир России. 2003. № 2.
- [2] Виссер О., Мамонова Н., Спур М., Никулин А. «Тихий продовольственный суверенитет» среди громкой продовольственной безопасности // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. 2015. Вып. 10. М., 2015.
- [3] Скотт Дж. Моральная экономика деревни // Неформальная экономика: Россия и мир. М., 1999.
- [4] Шагайда Н.И.оборот сельскохозяйственных земель в России: трансформация институтов и практика. М., 2010.

- [5] *Duncan J., Barling D.* Renewal through participation in global food security governance: Implementing the international food security and nutrition civil society mechanism to the Committee on world food security. *International Journal of Sociology of Agriculture and Food*. 2012. Vol. 19. No 2.
- [6] *Lawrence G., McMichael P.* The question of food security. *International Journal of Sociology of Agriculture and Food*. 2012. Vol. 19. No 2.
- [7] *Maxwell S.* Food security: A post-modern perspective // *Food Policy*. 1996. Vol. 21. No 2.
- [8] *McMichael P., Schneider M.* Food security politics and the millennium development goals // *Third World Quarterly*. 2011. Vol. 32. No. 1.
- [9] *Patel R.* *The Value of Nothing: How to Reshape Market Society and Redefine Democracy*. N.Y., 2009.
- [10] *Price volatility in food and agricultural markets: Policy responses*. Paris, 2011.
- [11] *Ries N.* Potato ontology. Surviving post-socialism in Russia // *Cultural Anthropology*. 2009. No 24.

REFERENCES

- [1] *Barsukova S.* Setevaja vzaimopomoshh' rossijskih domohozjajstv: teorija i praktika ekonomiki dara [Russian households' networks of mutual support: Theory and practice of gift economy]. *Mir Rossii*. 2003. No 2.
- [2] *Visser O., Mamonova N., Spoor M., Nikulin A.* «Tihij prodovol'stvennyj suverenitet» sredi gromkoj prodovol'stvennoj bezopasnosti [“Quiet food sovereignty” within loud food security]. *Krest'janovedenie: Teorija. Istorija. Sovremennost'*. Uchenye zapiski. 2015. Vyp. 10. M., 2015.
- [3] *Scott J.* Moral'naja ekonomika derevni [Rural moral economy]. *Neformal'naja ekonomika: Rossija i mir*. M., 1999.
- [4] *Shagajda N.I.* Oborot sel'skohozjajstvennyh zemel' v Rossii: transformacija institutov i praktika [Agricultural Lands Turnover in Russia: Transformation of Institutions and Practices]. M., 2010.